

Снетова Н.В.

доцент кафедры истории философии Пермского государственного
классического университета, кандидат философских наук

Н.Н. СТРАХОВ КАК ФИЛОСОФ

Статья посвящена историко-философскому исследованию творчества петербургского мыслителя второй половины XIX века Н.Н. Страхова. Предпринимается попытка дать общую оценку Страхову как философу. Показывается, что его философия может быть определена как «философия органического понимания» и вписана в такое направление, как русский органицизм.

В настоящее время после того, как в конце 80-х – 90-х годах в отечественной истории философии активно исследовалось творчество наиболее крупных мыслителей, на наш взгляд, необходима работа по введению в научный оборот забытых имен, представляющих собой второй эшелон славной плеяды российских философов. К таким именам относится имя Николая Николаевича Страхова (1826-1896). В свое время оно было известно читающей публике; Страхов играл заметную роль в развитии отечественной культуры второй половины XIX века.

Имевшиеся до 2000 года небольшие публикации, посвященные философским взглядам мыслителя, были либо учебно-ознакомительного, либо юбилейного, либо справочного характера. В последнее время о Страхове стали вспоминать все чаще, что связано в основном с его разработкой проблемы самобытности России, русской идеи. В настоящем он известен именно как почвенник, славянофил либо специалистам – как литературный критик. Однако, думается, наиболее оригинальные, интересные идеи были представлены им в философских работах. Но именно его философское наследие оказалось мало исследованным.

На наш взгляд, отсутствие в истории русской философии монографического исследования, которое бы давало целостное представление о Страхове как философе, вызвано рядом причин. Во-первых, тем, что мыслитель по своим политическим взглядам был идейным противником революционно-демократической идеологии и сознательным идеалистом, поэтому понятно, что такой философ, как Страхов, в советской истории философии остался незамеченным. Во-вторых, недостаточная исследованность философского творчества мыслителя объясняется теми сложностями, с которыми сталкивается историк философии, приступающий к анализу его воззрений.

Сложность исследования обусловлена тем, что Страховым не было создано философской системы взглядов. Его воззрения выражены в

форме философской журналистики. Публицистический, полемический стиль диктует свои правила, здесь возможны преувеличения, перехлесты, недоговоренность, отрывочность, яркость изложения за счет тонкой проработки аргументации. Все отмеченные особенности жанра присутствуют в философском творчестве Страхова. Для его стиля характерны, с одной стороны, фрагментарность, отсутствие развернутых обоснований, что требует некоторой реконструкции воззрений, их интерпретации. С другой – в манере изложения чувствуется традиция школы духовного красноречия, Страхов получил религиозное начальное образование. Стиль поэтому отличает уклончивость, хитроумность рассуждений. Однако, на наш взгляд, для адекватного понимания и оценки философских воззрений Страхова следует иметь в виду прежде всего одно обстоятельство, игнорирование которого иногда приводит исследователей к неверным оценкам. Он не имел профессионального философского образования, его знание философии – результат самообразования. Поэтому мыслитель, особенно в начале творческого пути, испытывал некоторую неуверенность, «боязнь впасть в ошибку». В письме к Василию Розанову Страхов признавался: «Я так люблю ссылаться на всякие книги и говорить не от себя, а чужими словами, сопоставляя и толкуя места какого-нибудь автора. Тогда я чувствую себя на твердой почве» [1]. При этом заметим, что ссылки даются им не всегда. Тем не менее, с нашей точки зрения, можно говорить о нем как о самобытном мыслителе. В предыдущем письме тому же Розанову философ писал, что чужие мысли только помогают его, и во множестве книг он ищет и находит «только *свое*».

Необходимость целостного представления о Страхове как философе диктуется еще и тем, что в немногочисленных работах, имеющихся в нашей историко-философской литературе, творчество мыслителя, к сожалению, не получило адекватной оценки. Дело в том, что фактически одновременно с трудами Страхова, которому посвящено данное исследование, вы-

ходили труды его полного тезки, младшего современника, Николая Николаевича Страхова (1852-1928), преподавателя Харьковской духовной семинарии. Несмотря на то, что в словаре Брокгауза и Эфрона дается библиография «младшего» Страхова, исследователи (при поверхностном знакомстве с творчеством петербургского философа) часто приписывают его труды «старшему» Страхову [2].

В результате мы имеем весьма противоречивые оценки мыслителя от восторженных до уничижительных как при жизни, так и после смерти. Большая часть исследователей причисляет отечественного философа к гегельянцам, опираясь на его самооценку, которая, на наш взгляд, не совсем адекватна. По нашему мнению, изучение источников дает возможность говорить о влиянии на воззрения Страхова классической немецкой философии в целом. В словаре «Русская философия» утверждается, что «Страхова нельзя безоговорочно зачислить ни в какой философский или мировоззренческий «лагерь» [3].

Если все-таки, пытаюсь дать оценку Страхову как философу, искать целостности в его философских воззрениях, то, думается, эта целостность есть. Состоит она в *органическом понимании* им явлений, существующих в мире. Оно проводится отечественным мыслителем фактически во всех разделах философского знания, к которым он обращается. И поэтому Страхова как философа можно отнести к определенному направлению в отечественной философии, а именно к органицизму. Уже в ранних работах 60-го года, с которых начинается его творческий путь, он исходит из «идеи организма», предлагает в качестве истинного «органическое воззрение» на мир.

Остановимся подробнее на органицизме, что необходимо для того, чтобы адекватно понять и оценить сами взгляды философа, чтобы представить теоретические и методологические предпосылки его философского творчества. Органицизм как таковой является очень слабо изученным направлением в отечественной культуре XIX-XX веков. Во многом такая ситуация вызвана тем, что направление не имело какого-либо системного обоснования у тех отечественных мыслителей, которых можно было отнести к его адептам. Это обусловлено, думается, тем, что органицизм не выступал как система теоретических взглядов, часто проявлялся как общая исследовательская ориентация. Органицистская методология может использоваться тем или

иным мыслителем применительно только к какой-то одной сфере исследования, или быть сквозной, цементирующей идеей, или из нее могут браться только определенные элементы.

В отечественной философии попытки осмыслить органицизм впервые находим в трудах Н. Страхова. Затем это делают В. Соловьев, Н. Лосский, С. Франк. Можно согласиться с историком отечественной философии А.А. Галактионовым, первым обратившим внимание на органицизм как сквозную идею русской философской мысли. Он писал: «Органическая теория в России имеет длинную историю, захватив весь XIX в. – от Д. Велланского до В. Вернадского в философии и науке, от Н. Надеждина до М. Ковалевского в истории, социологии, эстетике. Варианты этой теории многообразны, порой неожиданны» [4]. Органицизм продолжал жить в отечественной культуре и в XX веке, например, в творчестве поэта О. Мандельштама, известного психолога С.Л. Рубинштейна.

Исходя из названия направления, можно видеть, что для органического подхода характерно рассмотрение любого целостного явления по аналогии с организмом. Выделим некоторые основные принципы органицизма. 1. Принцип целостного подхода к явлению. Идея целостности является, по нашему мнению, стратегемой в органицизме. Рассмотрение явления по аналогии с организмом давало возможность понимать любой объект как единое органичное, динамическое целое. Не случайно основная работа Н. Страхова называется «Мир как целое», а у Н. Лосского, не без влияния первого, – «Мир как органическое целое». Мир в качестве организма был представлен Шеллингом. Отечественные органицисты взяли данное представление. 2. Из принципа органической целостности вытекала такая важнейшая методологическая идея органицизма, как приоритет целого по отношению к составляющим его частям. Этот принцип у органицистов был прямо направлен против аналитической установки господствовавшего в XVII-XVIII вв. редукционизма. Характерной чертой органицизма в натурфилософии можно назвать отрицание возможности существования в природе абсолютно простых тел, т. е. атомов. 3. Из концепта целостности вытекает принцип всеобщей связи и принцип эволюционизма. Идея целостности, динамического единства любого объекта, требовала рассматривать его как систему, исследования органической взаимосвязи между со-

ставляющими целостность структурными элементами. Отсюда российские органицисты диалектически решали некоторые философские проблемы. Русский органицизм подхватил плодотворную мысль Лейбница и Шеллинга о развитии мира как восходящем движении от низшего к высшему. Эвристическая ценность органического миропонимания состояла не только в видении мира как взаимосвязанного целого, но и как развивающегося. С одной стороны, органицизм предложил диалектическую идею саморазвития, ибо именно этот процесс характеризует организм, с другой – опять-таки по аналогии с организмом развитие у них зачастую означало эволюцию того, что было предположено в этом организме. 4. Еще один типологический признак органицизма – динамическое видение мира. Мир, согласно органицистам, состоит из естественных тел, обладающих различными степенями активности, поэтому он в органицизме предстает как процесс. Как объясняется этот активизм? 5. В целом органицизму свойствен принцип «всеобщности жизни». Внутренний активизм, присущий природе, обусловлен ее всеобщей одушевленностью. 6. Отметим в органицизме принцип иерархического устройства мира, он видится как система. 7. Органицизм предполагает видение мира как упорядоченного, структурированного целого, как гармонической сферы. Отсюда не удивительно, что, например, у Н. Страхова столь явно выражено эстетическое отношение к миру. 8. Органицистская натурфилософия предполагала определенную метафизику. Эта мысль идет от Лейбница, который утверждал, что наука о природе имеет метафизический фундамент. 9. Антропоцентризм – еще один принцип, который, на наш взгляд, может быть выделен в органицизме. Все российские органицисты рассматривали человека как микрокосм.

Органицистская парадигма, конечно, имела минусы и плюсы. С одной стороны, она позволяла выйти за рамки господствовавшего механицизма, взглянуть на мир более диалектично. С другой – метод слишком широкой аналогии неизбежно вел к односторонности. Органический подход, абсолютизируя понятия биологии, перенося черты живого на все формы материи, сам впадал в односторонность.

Все данные типологические черты мы находим в философских воззрениях Н.Н. Страхова. По нашему мнению, к органицизму он пришел закономерно. Этому способствовало, во-

первых, полученное им в Главном педагогическом институте биологическое образование. Во-вторых, Страхов, начав серьезно заниматься философией, обращается к изучению немецкой классической философии, в которой, начиная с Канта (а еще раньше с Лейбница), развивалось органическое миропонимание. В-третьих, до него органицизм в лице Д.М. Велланского, М.Г. Павлова, А.И. Галича, Н.И. Надеждина, Любоумров имел в России довольно серьезную историю. В-четвертых, думается, в представлении о правильности органического воззрения Страхова поддержали и его друзья – Ап. Григорьев, Ф.М. Достоевский. Ап. Григорьев к началу их сотрудничества в журнале Достоевских «Время» был уже автором «органической критики». Однако Страхов выступает как сторонник органического воззрения еще до личного знакомства с ним, что видно из ряда его первых философских работ, опубликованных в 1860 году (например, «Письма о жизни»).

Анализ «идеи организма» находим у Страхова прежде всего в статье 1860-го года «Органические категории». По Страхову, и с ним можно согласиться, «органические категории явились в мир человеческих идей ...из немецкого идеализма» [5]. Гегелю, по его мнению, принадлежит органическое понимание самой философии, историко-философского процесса, в котором развитие мысли есть органический процесс. Это понимание, считал Страхов, следует перенести на другие сферы действительности. Органическое развитие понимается им в гегелевском смысле: это процесс саморазвития, совершенствующееся самосозидание, переход от низшего к высшему, где низшая ступень производит из себя высшую. Мыслитель согласен с Гегелем, что развитие – необходимый, имманентный процесс.

В данной статье отечественный исследователь сопоставляет два подхода – механический и органический [6]. Анализ его философского творчества позволяет сделать вывод, что он правильно понял их сущностное различие. Отсюда можно адекватно оценить вклад русского мыслителя в развитие отечественной философской мысли в целом и философию науки в частности. Несомненной заслугой Страхова-органициста являлась критика редуционизма, что является актуальным даже в настоящее время, тем более для того времени, в которое он творил. Им критиковались натуралисты за то, что они не признают ничего, что можно было бы назвать органическим, и мечта-

ют о том, чтобы «свести все явления организмов на химические и физические явления». Истинным подходом ко всем явлениям, с его точки зрения, является органический.

Отечественной философ не только предлагает ученым использовать «органические категории», но и сам их использует. Мы можем увидеть, что в онтологии, которая у него совпадает фактически с натурфилософией, мыслитель представляет органическую концепцию мира. Страхов настаивает на идее целостности, единстве мира. Аргументация философа носит двоякий характер. С одной стороны, им утверждается, что видение мира как единого целого, несмотря на его разнообразие, соответствует самому духу науки, есть «априористическая посылка ума». С другой стороны, он опирается на данные конкретных наук, прежде всего астрономии. Страхов в работе «О простых телах» (1865 г.) посвящает специальную главу тому, чтобы показать, что весь необходимый ход науки ведет к доказательству единства, «цельности» мира. «Планеты для нас уже не от века отдельные, особо существующие тела; мы знаем теперь, – пишет мыслитель, – что они выделены из одной общей массы, некогда бывшей на месте нашей солнечной системы». Виды животных и растений, которые некогда рассматривались в качестве независимых форм, «как признано теперь благодаря Дарвину, развивались одни из других. Таким образом, – констатируется Страховым, – *цельность* мира, несмотря на его разнообразие, доказывается все яснее и яснее» [7]. В целом, можно сказать, что мыслитель исходит из того, что единство мира утверждается как философией, так и всем ходом развития естествознания, что является, на наш взгляд, правильным. Вместе с тем следует отметить, что исследователь упрощает решение сложнейшей проблемы, сводя доказательство единства мира к его единообразию. Весь опыт естествознания указывает на то, писал Страхов, что везде, куда проникает наука, она видит одно и то же вещество, одни и те же законы, что и на Земле. Тем не менее заметим, что его естественнонаучная аргументация является вполне современной, а отмеченное упрощение присутствует в трудах ученых и ныне.

Проблема единства мироздания решается Страховым в эволюционистском духе. В его статьях намечено понимание этого единства фактически в качестве единого мирового процесса, если принять во внимание имеющуюся в

его мировоззрении органицистскую идею развития. Отечественный мыслитель утверждает развитие физической формы материи. В российской науке середины XIX века эта идея была весьма актуальной и прогрессивной, методологически опережавшей развитие физической науки. При этом философ делает очень важный для философии, глубокий, хотя важность и глубина мысли не осознается самим автором, вывод о том, что «величие целого мироздания отражается на Земле, что в ней вполне отразилась сущность мира».

Все части мира и его «явления, – утверждает автор книги «Мир как целое» в соответствии с органицистской парадигмой, – находятся во взаимной зависимости. В нем нет ничего самобытного, никаких особых начал, никаких простых тел, ...нет самостоятельных от века различных сил, нет ничего неизменного, само по себе существующего. Все в зависимости и все течет, как говорил еще Гераклит.

Мир есть стройное целое, или, как говорят, – гармоническое, органическое целое. То есть части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать – иерархию существ и явлений. Мир как организм имеет части менее важные и более важные, высшие и низшие...» [8]. Такое единство мира можно получить, настаивает философ, не иначе как одухотворив природу, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа. В данных утверждениях явно видно влияние Ф. Шеллинга, Гегеля.

По мнению отечественного философа-органициста, органическое целое является целесообразной системой. Причем целесообразность у него выглядит двояко. С одной стороны, отчасти сохраняется имманентная телеология Шеллинга, с другой – Страхов понимает целесообразность прежде всего как объективную внутреннюю взаимосвязь элементов, служащую самосохранению, саморегуляции целого.

Представляя мир как целое, философ критиковал атомизм, используя как философскую, так и естественнонаучную аргументацию. Учение о веществе как совокупности абсолютно неизменных, ни от чего не зависимых, абсолютно простых тел, из которых состоит мир, ведет, согласно адепту «органического понимания», к тому, что этот мир, состоящий из самостоятельных частей, уже не будет самостоятельным целым. По его мнению, чтобы восстановить

самостоятельность мира как целого, следует «уничтожить бездну между веществом и духом, и снова слить мир в одно целое», так чтобы самостоятельность частей зависела от самостоятельности целого» [9].

В соответствии с духом органицизма Страховым утверждается единство органического и неорганического мира. Как все органицисты, в натурфилософии он стремился доказать, что неживая природа, не такая уж неживая. В свете современной синергетики данная идея имела эвристическую потенцию. На наш взгляд, весьма современно выглядят многие идеи, предложенные отечественным мыслителем как методологом научного познания. В частности, следуя принципу целостности, он указывал на границы рационализма. Рациональное мышление – это сфера научного познания, они философом отождествлялись. Очень высоко оценивая значение науки, в рамках своего «органического понимания» Страхов много сделал для доказательства того, что естественнонаучное знание невозможно без мировоззренческого осмысления. Им была четко обозначена тенденция распространения сайентизма. В 1862 году в журнале «Время» Страховым публикуется заметка с симптоматичным названием – «Дурные признаки». Автор предупреждает, что естественные науки не могут служить достаточной (а главное – абсолютной) основой для ценностной ориентации человека в обществе [10]. В статье он одним из первых выступил против перенесения биологических закономерностей (дарвинизма) на социальные явления, считая его симптомом кризиса гуманизма. Следуя универсалистской интенции, характерной для органицизма, в своей философии науки при господстве эмпиризма он предлагает стратегическую программу действий для натуралистов и философов: создание единой системы природы. Для самого Страхова это тоже станет стратегией, неосуществленной целью его методологии научного познания.

Развивая свою философскую антропологию, Страхов также остается верным «идее органицизма». Мир устроен иерархично, и в этой иерархии высшим существом является человек. Человек у него есть вершина природы, узел бытия. В человеке заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в единое целое; он есть его главное явление. Индивид, по Страхову, с одной стороны, органическая часть мира, наиболее био-

логически развитое животное, с другой стороны, человек – «царь природы». Как органицист Страхов правильно уловил, что человеческое существо – вершина эволюции живой природы, что оно стоит в отличие от животных в особом универсальном отношении к природе, противопоставляет себя всей природе.

В педагогических воззрениях Страхов исходил из своей философской антропологии. В отличие от животных человек разумное, познающее мир, нравственное, способное к эстетическому восприятию мира существо. По верной мысли Страхова, к сущностным свойствам человека относятся также способность к саморазвитию, отсутствие раз и навсегда заданной природы. Ребенок рождается человеком в возможности, он им становится. Все это – исходные теоретико-методологические предпосылки его педагогической антропологии. Отечественный мыслитель из своего органического подхода делает вывод, что среда не оказывает на человека никакого влияния, человек способен ей противостоять.

В педагогических воззрениях Страхов также противопоставляет механический и органический подходы к воспитанию и образованию. Органическое понимание педагогического процесса подразумевает у Страхова понимание души ребенка как живой, в противоположность душе, понимаемой «мертво или механически». Живая душа развивается самостоятельно, самобытно, отличается своеобразием от других душ, включает в себе определенные задатки, потенции. Истинная педагогика, по Страхову, исключает насилие над детской душой. Но как бы ни насильовала искусственная педагогика живую душу, она не в силах, убежден философ, покорить ее до конца [11]. Н. Страхов, несомненно, внес вклад в становление отечественной теоретической педагогики. Его органицистская методология, по нашему мнению, позволила мыслителю в педагогической антропологии опередить свое время. Система образования должна иметь, согласно Страхову, гуманистическую направленность, быть сосредоточена на главной своей цели: раскрытии, саморазвитии человека как свободной индивидуальности.

В органической философии Страхова мир предстает как гармоническое, прекрасное целое. В связи с таким пониманием мира мы находим у него и соответствующую трактовку естествознания. Естественные науки, считал биолог и философ, имеют не только теоретическую и практическую значимость, но и эстети-

ческую, что совершенно верно. Можно, думается, констатировать, что в философии Страхова мы имеем дело с редко ныне встречающимся единством научного и эстетического подхода к миру [12]. Органическое понимание проводится Страховым и в гносеологии, и в эстетике. Развитие историко-философского процесса рассматривается им также как органический процесс.

Результатом применения к анализу исторического развития народов, наций «идеи организма» (а народы, нации рассматриваются Страховым как целостные явления, следовательно, организмы) будет то, что каждый из них

окажется развивающимся из собственных начал миром. Отсюда почвенничество Страхова, его признание себя славянофилом. Не случайно поэтому он так стойко отстаивал идею также исходившего из органицизма Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах в известной полемике с В.С. Соловьевым.

Таким образом, на наш взгляд, можно сделать вывод, что Страхова как философа можно определить как развивающего органическую философию, философию «органического понимания». И только при таком подходе к его творчеству в целом возможна его адекватная историко-философская оценка.

Список использованной литературы:

1. Розанов В.В. Литературные изгнанники. М., 2000. С. 93.
2. См. об этом: Снетова Н.В. Об ошибках в исследовании творчества Н.Н. Страхова // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Ростов-на-Дону, 2002. Т. 2. С. 110-111.
3. Русская философия. Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1999. С. 489.
4. Галактионов А.А. «Органицизм» и социализм М.В. Буташевича-Петрашевского // Социальная революция: вопросы теории. Л., 1989. С. 110.
5. См.: Страхов Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., 1865. С. 78.
6. Там же. С. 75.
7. Страхов Н.Н. Мир как целое. СПб., 1892. 2-е издание. С. 507.
8. Там же. С. УП.
9. Там же. С. 405.
10. См.: Страхов Н.Н. Критические заметки об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. Изд. 4-е. Киев, 1902. Т. 2.
11. См.: Страхов Н.Н. Новая школа // Время. 1863. №1. С. 150-159.
12. См.: Снетова Н.В. Проблема эстетики естественнонаучного познания в творчестве Н.Н. Страхова // Эстетика научного познания. М., 2003.